

В конце концов Сюнь Хайши пришлось уступить сопернику — тому самому здоровенному детине, из-за которого смазливый юноша безжалостно вырвал руку и ушёл не оборачиваясь. Главе ордена Сюнь осталось лишь утирать окровавленные губы да растерянно переглядываться с заполнившими комнату стражниками.

Служивые были из местной управы Юнчжоу. Привыкшие безнаказанно творить беззаконие, они обычно лишь помыкали простым людом, но до смертоубийства никогда не доводили. И теперь, увидев харкающего кровью человека на постели, стражники невольно оторопели.

Они ведь даже пальцем его не тронули. Верно? С чего вдруг этот задохлик кровью исходит? Уж не бродячий ли это мошенник, решивший обобрать их до нитки?

Тот, кто мгновение назад громче всех орал, требуя, чтобы Хайши убирался с постели, стоял ближе остальных. Его штанины оказались густо забрызганы кровью. Обомлев от страха, он глупо вылупился на бледного, хрупкого юношу. Сюнь Хайши и сам казался растерянным. Его утончённое, болезненно-белое лицо делало багровый след у рта ещё более пугающим. Глядя в эти чистые, невинные глаза, стражник мысленно твердил лишь одно.

«Грех-то какой, чистый грех...»

— Тебе... то есть, господин, вам не нужно позвать лекаря? — робко спросил он.

Сюнь Хайши небрежно утёр губы пальцами.

«И надо же было так просчитаться? — тоскливо размышлял он. — Хотел лишь прикинуться несчастным, а в итоге едва концы не отдал. И ради чего? Объекту моих страданий всё равно — он преспокойно умчался на выручку своему плечистому богатырю»

На полу, в лужице алой крови, выделялись тёмные, почти чёрные сгустки — явный признак застарелой хвори или яда. Некоторое время Хайши заворожённо разглядывал их, а затем тихо произнёс:

— Пустяки. Здоровье пошатнулось, не выношу суеты.

Сердце сурового стражника дрогнуло от жалости к изнеженному юноше. Мысленно обругав ушедшего Се Юйсую последними словами, он вместе с остальными наскоро осмотрел комнату и, пробормотав на прощание: «Берегите себя, господин», поспешно ретировался.

Шум в коридоре поутих, грубая брань У Фэна прекратилась. Очевидно, вмешательство Се Юйсую возымело действие. Оставалось лишь гадать, какая беда стряслась, раз этот верзила так рассвирепел.

Обувшись, Хайши даже не взглянул на запачканные доски пола. Он без зазрения совести перерыл вещи Юйсую, отыскал чистый платок, вытер лицо, а затем, налив чаю, неторопливо

прополоскал рот. Словно ничего и не случилось, он вальяжно вышел за порог, желая полюбоваться зрелищем.

В проходе толпились любопытные постояльцы, вытягивая шеи и вглядываясь вглубь коридора. Сюнь Хайши неприметно затесался среди них, наблюдая за суматохой у дверей соседней комнаты.

Здоровяк У Фэн стоял на пороге, воинственно скрестив руки на груди. Перед ним возвышался князь, преграждая путь двоим стражникам. Те держали ладони на эфесах сабель. Оружие пока оставалось в ножнах, но малейшая искра грозила развязать драку.

— Что стряслось? Из-за чего весь сыр-бор? — любопытствовал кто-то из запоздавших зевак.

— Поговаривают, у них в комнате нашли оружие убийства, — охотно отозвался словоохотливый сосед по толпе.

— Оружие убийства? Кого-то лишили жизни?!

— А то как же! Слыхали про военного комиссара по умиротворению, что пропал без вести пару дней назад? Так вот, нашли его бездыханное тело!

Сюнь Хайши скользнул взглядом по говорившему. На незнакомце было тёмное, плотно облегающее одеяние, фасоном напоминающее ночное платье лазутчиков, разве что чуть просторнее и проще — вполне пригодное для повседневной носки.

— И смерть его была страшной, — зловещим шёпотом продолжил соглядатай. — Нашли в лесной глуши с вспоротым брюхом. Ироды утробу ему наизнанку вывернули, все внутренности наружу.

— Господи помилуй... Это ж какую обиду надо затаить? У покойного господина комиссара ведь имелись высокие покровители в Восточной столице. Дело пахнет керосином, слухи до самого императорского дворца дойдут.

— Вот-вот, о чём и речь!

Слушатели, затаив дыхание, переглянулись. Оценив масштаб беды, толпа единодушно попятилась назад: никому не хотелось попасть под горячую руку безумному потрошителю, способному выпустить кишки первому встречному.

— Я же вам, твердолобым, русским языком говорю: кинжал не мой! — рычал У Фэн. Его глаза налились кровью, пальцы сжались в кулаки. — Мы только сегодня в город приехали, когда бы я успел его прирезать? Решили на меня мокруху повесить, чтобы поскорее дело закрыть?!

От немедленной расправы стражников спасало лишь то, что Се Юйсуй крепко удерживал верзилу за плечо.

— Мы прибыли в Юнчжоу немногим ранее, — спокойно, без тени волнения произнёс князь. Его глубокий, ровный голос так и не выдал бушующих внутри чувств. — На заставе у ворот ведётся учёт, стража подтвердит наши слова. В эту обитель мы заселились только что и даже не успели разобрать узлы. Утверждать, будто найденный в сундуке кинжал принадлежит нам — верх поспешности.

— Мало ли что ты болтаешь! — огрызнулся старший надзиратель. — Поймали с поличным, так что нечего зубы заговаривать. Виновны вы или нет — разберёмся в управе!

Се Юйсуй на мгновение задумался, а затем обратился к побледневшему трактирщику, который испуганно жался к стене:

— Почтенный, вы ведь сами упомянули, что эти покои освободились внезапно, благодаря чему нам и посчастливилось в них въехать?

— Истинная правда, истинная правда! — закивал тот, судорожно утирая холодный пот со лба. Хозяин заведения проклинал тот день, когда решил заняться этим делом; визит ищеек сулил ему разорение и долгие допросы в суде.

В чьих бы руках ни был клинок, находка в стенах его постоянного двора неизбежно делала его соучастником в глазах правосудия.

— Раз так, мой спутник подчинится вашей воле, — промолвил князь. — Однако справедливость требует, чтобы вы разыскали и прежнего постояльца. Вдруг это он обронил своё оружие?

— Это само собой, — буркнул старший стражник. Он окинул Юйсуй оценивающим взглядом. Богатые ткани, благородная осанка и ледяное спокойствие незнакомца внушали смутное опасение — связываться с важной птицей служивому не хотелось. Сбавив тон, он добавил: — Коль вы прибыли вместе, то и в управу пожалуйте все. Коли чисты пред законом, никто вас не тронет.

Едва он договорил, как из толпы вынырнул один из ушедших ранее стражников и что-то быстро зашептал командиру на ухо. Лицо того перекошилось от недоумения.

— Как это — ещё один? Больной? — нахмурился он.

Речь, разумеется, шла о главе ордена Сюнь. Услышав о себе, Хайши тихонько протиснулся сквозь толпу и, обессиленно прислонившись к дверному косяку, принял такой вид, точно душа его вот-вот покинет бренное тело.

— Господин начальник, за что же нас карают? — бесцветным, едва слышным голосом выдохнул юноша.

Зеваки услужливо расступились, открывая взору ищек измождённого, но невероятно миловидного юношу.

Юноша покачулся, прижал тонкие пальцы к груди и заговорил, прерывисто дыша после каждого слова:

— Мы... едва миновали городские ворота... Даже разглядеть этот край не успели... Разве могли мы совершить сие злодеяние? Хворь подтачивает мои силы... Дорога в Восточную столицу далась тяжело, и мы остановились здесь лишь ради того... чтобы сыскать знающего лекаря да выкупить снадобье для моей угасающей жизни. Сжальтесь, служивые, проявите милость...

Эта тирада далась больному с великим трудом: он судорожно ловил ртом воздух, склонив голову. Боковым зрением Хайши заметил, как давешний стражник — тот самый, что стал свидетелем его кровавой драмы в покоях, — поспешно зашептал на ухо командиру подробности. Шептались они недолго, но спеси у предводителя заметно поубавилось. Похоже, рассказ о брызжащей фонтаном крови произвёл на него должное впечатление.

Сюнь Хайши вовремя протянул ему соломинку:

— Коли закон суров... пускай наш названный брат пойдёт с вами. Он ответит на все вопросы, прояснит недоразумение... и вам пред начальством отчитываться будет легче, не так ли?

Если бы столь разумное предложение исходило от князя, У Фэн и пикнуть бы не посмел. Но когда его судьбой распоряжался этот скользкий тип Сюнь, генерала так и подмывало высказать всё, что он думает.

Головой-то верзила понимал: это единственный выход. Иначе в сырые казематы угодила бы вся честная компания. И всё же душу грызла досада — казалось, его попросту предали.

К счастью, безрассудный нрав уступил место заботе о государственном благополучии. Если из-за его упрямства князь-регент окажется за решёткой, дотошные ищейки непременно докопаются до их происхождения. Стоит раскрыться, что в город тайно проникли высокопоставленные мужи царства Ци, заурядное убийство мигом обернётся международным заговором. А там и до новой войны рукой подать.

Заручившись клятвенными заверениями испуганного корчмаря и наглядно убедившись в «смертельном» недуге изящного попутчика, стражники умили пыл. В итоге они удовлетворились одним лишь У Фэном и покинули постоянный двор.

Сюнь Хайши провожал их ленивым взглядом, так и не сдвинувшись с места. Спускаясь по

широкой лестнице, служивые то и дело оборачивались на него, вполголоса перешёптываясь.

— Как думаешь, о чём они шепчутся? — с весёлым прищуром спросил Хайши, когда Се Юйсуй вернулся в коридор.

Князь смерил его долгим, холодным взглядом. От былой немощи хитрого лиса не осталось и следа: лицо так и лучилось лукавством, словно он сидел на представлении бродячих комедиантов.

Юйсуй брезгливо стряхнул его ладонь со своего рукава:

— Меня это мало заботит.

— А зря, — хмыкнул Хайши. — Они поговаривают, что будь покойный комиссар жив, в кандалы сегодня заковали бы вовсе не твоего громилу.

Молодой человек поправил складки халата и вдруг брезгливо поморщился, заметив на груди бурое пятнышко. Он шагнул было за порог, но тут же замер, вовремя вспомнив о грязной луже на полу.

— Эй, любезный! — окликнул он проходившего мимо коридорного. — Вели прислать кого-нибудь прибраться.

Потеряв ушедшего в управу хозяина, челядь пребывала в полнейшем смятении. Слуга рассеянно кивнул и поплёлся дальше, явно не думая о чистоте комнат.

Князь лишь молча проводил его взглядом.

Тем временем Сюнь Хайши уже бесцеремонно копался в дорожном узле князя. Отыскав среди чужих вещей приличный наряд, он удовлетворённо кивнул:

— Позволю себе одолжить, — и принялся развязывать тесёмки своего испачканного халата.

Се Юйсуй окаменел, а затем, круто развернувшись, скрылся за расписной ширмой. Прислушиваясь к доносившемуся из-за шёлковой преграды шороху сбрасываемых одежд, он после долгого молчания спросил:

— Зачем ты нам помог?

Ведь стоило ему выйти в коридор, как стража предъявила окровавленное лезвие, найденное в сундуке У Фэна. Описание находки пугающе точно совпадало с оружием убийства пропавшего

комиссара.

Оправдаться на месте было невозможно, и визита в пыточные подвалы избежать бы не удалось. Окажись они за решёткой втроём, исход мог стать фатальным. Но когда забирают одного, дело обычно ограничивается формальным допросом.

— Так что же эти псы выудили из сундука нашего верзилы? — поинтересовался Хайши. Он явился к шапочному разбору и не знал всех подробностей обыска.

— Кинжал, — коротко отозвался князь. — Окровавленный клинок лежал на дне ларя.

За ширмой воцарилось долгое молчание.

Просторные покои украшала массивная деревянная ширма, на шёлке которой были небрежно вышиты редкие стебли бамбука — работа топорная, лишённая изыска, годная лишь на то, чтобы скрывать постояльцев от чужих глаз.

Се Юйсуй задумчиво разглядывал незатейливый узор. Его отъезд из столицы держался в строжайшей тайне, и если бы не это, он непременно заподозрил бы тщательно спланированный заговор. Буран на заставе, случайный трактир у дороги, внезапно освободившиеся покои в переполненном городе — всё складывалось слишком гладко. Слишком безупречно, чтобы быть простой случайностью.

Из раздумий его вырвал вкрадчивый шёпот у самого уха. Хайши ухитрился подойти совершенно бесшумно. Наклонившись к самому плечу князя, он тихо, обжигая горячим дыханием шею собеседника, проговорил:

— Гляди-ка: ты спас мне жизнь, я помог тебе избежать бесчестья. Чем мы не побратимы, разделившие общую судьбу? А ведь иначе уже завтра на каждом углу шептались бы, что великий князь царства Ци тайно пересёк границу царства Чжу лишь ради того, чтобы прирезать ничтожного чинушу. Если весть дойдёт до вашего императора, он едва ли поверит в столь нелепую сказку. Тебя под конвоем отправят в Восточную столицу, а там... кто знает, не вспыхнет ли между нашими странами война?

Сюнь Хайши притворно охнул, прикрыв рот ладонью:

— Боги мои, я ведь только что спас мир от кровопролития!

В то же мгновение в полумраке сверкнула сталь. Глава ордена даже не шелохнулся, когда лезвие кинжала упёрлось ему прямо в кадык.

Се Юйсуй вглядывался в лицо стоящего перед ним юноши. Слухи не врани: красоте Сюнь Хайши не было равных во всей Поднебесной. Не знай князь истинной натуры этого человека,

он и сам поддался бы очарованию его хрупкого, нежного облика.

Но Се Юйсуй не привык обманываться масками. Ещё вытаскивая полуживого Хайши из сугроба, он понимал, что пригрел на груди смертоносную гадюку. Неужто вся эта нелепая сцена с подброшенным ножом — дело рук его нового спутника?.. В глазах князя промелькнуло сомнение, но он тут же отбросил эту мысль как недостойную.

Как бы ни был коварен глава Павильона Небесной Оси, глупцом он точно не был. Подобная дешёвая подстава выглядела чересчур топорно и шито белыми нитками. Человек, привыкший прятать истинные намерения за тройным дном каждого слова, никогда бы не опустился до столь примитивной каверзы.

Отбросив подозрения, князь убрал кинжал, но взгляд его остался суров:

— Раз уж мы заговорили начистоту, не поведает ли мне досточтимый глава ордена Сюнь, каким зельем его отравили? По какой причине вы испускали дух в снегах на горе Воющих Ветров и ради чего распустили слухи о собственной кончине?

Когда Се Юйсуй наткнулся на него в ущелье, Хайши казался холодным трупом. Лишь в последний миг, когда У Фэн уже занёс топор, дабы разрубить мёртвое тело и предать его земле, верзила почуял едва уловимое дыхание.

О жестокости и дивной красоте Сюнь Хайши слагали легенды, а его боевому мастерству завидовали лучшие воины Цзянху. Не обладай он исключительным талантом, его коварный нрав давно свёл бы его в могилу. Кто же сумел одолеть столь грозного противника?

Прежний глава Павильона Небесной Оси скончался при весьма загадочных обстоятельствах, а теперь и преемника постигла та же участь. Всё это пахло тщательно спланированным заговором. Единственной силой, способной бросить вызов могуществу Чжу, было царство Ци. И надо же было такому случиться, чтобы умирающего лиса подобрал именно влиятельный циский князь...

Лицо Се Юйсуй потемнело от тягостных мыслей. Он пытался понять: был ли Сюнь Хайши лишь жалкой пешкой в чужой игре, или же сам направлял ход этой незримой партии?

Пристально вглядываясь в безмятежную улыбку юноши, князь негромко произнёс, проверяя его реакцию:

— Тебе известно, что жить тебе осталось от силы года три?

<http://bllate.org/book/20070/2001630>